

Тимофей Веронин

На восходе солнца

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17200522

*Т. Веронин. На восходе солнца: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви; Москва; 2015
ISBN 978-5-88017-510-9*

Аннотация

Четверть века назад в нашей стране случилось чудо: над ней снова возшло солнце, но не обычное, земное, а Солнце Правды – Христос. Церкви и монастыри ожили по всей России, миллионы людей обратились к Богу. Накануне этого времени, а значит на восходе солнца, происходит действие этой книги. Ее главный герой, сначала мальчик, а потом юноша, Алеша чудесным образом обретает православную веру через встречу со святыми Ростово-Ярославской земли. История его жизни переплетается с житиями тех святителей и преподобных, благодаря которым свет Христов прикоснулся к нему.

Книга адресована широкому кругу читателей.

Содержание

Часть первая. Толгская икона	5
Глаза	5
С чего все начиналось	8
Помощь	11
Встреча	13
Преподобный Иринарх	15
«Зло позабудет бедное сердце»	19
Петька Орех	21
Библиотека	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Тимофей Веронин

На восходе солнца

© Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2015

© Веронин Т., текст, 2015

© Поляков Д., иллюстрации, 2015

* * *

Часть первая. Толгская икона

Глаза

Железные ворота, крашенные зеленым, лениво отворились. Грузовик, переваливаясь из ямы в яму, медленно пополз по грязной дороге. Что-то неприятно взвизгнуло, и Алеша понял, что это молоденький солдат-охранник задвинул засов на воротах. Они закрылись. Значит, Алеша теперь под замком. Все.

Вокруг расстилалась неприглядная картина: проплешины снега, кустики прошлогодней травы, редкие деревья, которые напоминали леших и сердито тянули свои кривые черные сучья вслед грузовику.

Был конец марта. В этом году рано начало таять. Повеяло весной. Но Алеше было не до того. А как обычно замирает сердце от этих ручейков, от этой капли, от этих первых ласковых лучиков солнца! Оно ведь только сейчас начинает греть. Чувствуешь его теплое прикосновение. Около школы в это время появляется огромная лужа. Целое озеро. И так и тянет соорудить какой-нибудь плот и устроить морской бой с Игорьком или Вадиком Красовским.

Но нет уже рядом с Алешей ни того, ни другого. А хмурые лица ребят, сидевших с ним в кузове грузовика под брезентовой крышей, такие чужие и страшные. И среди них ни одного, с кем Алеша хотел бы заговорить. Они все словно из другого мира.

– Бр-бр... – грузовик подскочил на очередной кочке. Алеша невольно ткнулся головой в плечо соседа.

– Ну ты, полегче, – гаркнул Алеше в ухо рослый парень лет шестнадцати, сунув здоровенный красный кулак ему в нос. – Держаться надо.

Из носа сразу же потекла кровь. Алеша вспомнил, как сильно разбил его года четыре назад, но тогда мама еще была рядом и все в его жизни было совсем по-другому. Он тогда ходил на фигурное катание. Правда, без особого желания. «Девчачье это все», – думал. Одно только нравилось: пить после занятий апельсиновый сок в буфете спортивного комплекса, заедая его песочным кольцом с орехами или эклером. Эклером, пожалуй, лучше, чем кольцом. Кольцо, оно слишком сухое и не такое сладкое. Об лед он тогда ударился со всего маху. С тех пор стоило только Алеше хоть немного стукнуться носом, как начиналось кровотечение.

Алеша принялся утирать кровь рукавом. Она все никак не останавливалась. Потомглянул вокруг. Парень довольно улыбался.

– У меня без промаха! Ишь ты, селедка! Кран-то выключи, – добавил он, и остальные вокруг одобрительно загоготали.

Алеша скользнул взглядом по лицам, по смеющимся ртам: они все против него. Он сжал свои кулаки, хотел броситься на парня. Но тут увидел в противоположном углу глаза. Да, только глаза. Но этого было достаточно. Они сочувствовали ему. Они, эти глаза, не смеялись. Они смотрели печально и с любовью. Алеша и у мамы не мог припомнить такого взгляда. Все последние месяцы жизни с ней он слышал только попреки, мама так часто кричала на него. Глаза ее становились колючими. Особенно если она ссорилась с отцом. А с отцом они ссорились всегда, когда тот приходил. Приходил же он где-то раз в две недели. Приносил в белой картонной коробке какие-то пирожные. Эклеры? А может быть, песочные кольца или миндальные? Уже забылось. Он подсаживался к Алеше. Они играли в шахматы или настольный хоккей, а потом отец шел на кухню к маме. И оттуда вскоре начинал доноситься крик. Отец спешно надевал пальто и слетал по лестнице.

Да, папа не жил вместе с мамой. Уже много лет. Алеша где-то в глубине памяти хранил воспоминание о тех временах, когда они были вместе: и папа, и мама, и сестра Лена, которая была старше его на десять лет. По воскресеньям они ездили гулять в парк или шли в музей. Алеше было тогда лет шесть, но ему нравились эти полутемные залы с витринами, где за стеклом лежали монеты, или полуистлевшие бумаги, или пожелтевшие зубы мамонтов. Алеша любил тогда картинные галереи. Ему нравились потрескавшиеся от времени масляные пейзажи. Особенно нравились большие золотые рамы. Алеше казалось, что эти рамы волшебные: если их коснуться, можно превратиться в заморского принца в серебряных туфлях и с такими вот, как у рамы, золотыми розами на кафтане. И тогда начнется самая настоящая сказка. Но сказка не начиналась.

Лена в восемнадцать лет уехала в другой город и почти не писала, не звонила. Мама часто жаловалась на это своей подруге тете Лёле, к которой они иногда ходили в гости.

А папа? Он вдруг исчез на целый год, а потом стал появляться с белой картонной коробочкой не больше одного раза в две недели. Так что они с мамой остались одни. И она так часто глядела на него чужими колючими глазами...

А эти глаза были совсем другие. Грустные, серьезные, они смотрели с любовью и словно все понимали. Но чьи они? И почему так глядят на него? Алеша замер, как будто никого не было вокруг: только он и эти глаза. Они звали к себе.

Грузовик вдруг подпрыгнул, затормозил. Борт кузова с грохотом открылся, и мальчики посыпались на землю. Алеша прыгнул вместе со всеми, все еще утирая нос. На секунду он остановился и оглянулся.

Первое, что бросилось в глаза, – это забор из гладких бетонных плит. Он тянулся вокруг них, огораживая какое-то поле, кустики прошлогодней травы, лужи, ямы. Эти плиты очень холодные и тяжелые. А поверх плит – что было самым страшным – проходила колючая проволока. Как отвратительные жуки, щетинились на ней острые колючки. «Как в фильмах про немцев, – пронеслось в голове у Алеши, – про концлагерь».

Да, теперь он был за забором, за колючей проволокой. Он, тот самый Алеша, который в детстве рисовал такие картины, что его прочили в настоящие художники. «Одаренный мальчик», – кивали в его сторону взрослые.

Он помнил эту радость творчества. Как замирало сердце, когда из-под его кисти вдруг вырисовывался живой сказочный лес с лешим и избушкой на курьих ножках или замок волшебника с фиолетовыми башнями и огромными синими флагами на шпилях! А теперь Алеша за колючей проволокой. Разве такое может быть?

Он стал с силой тереть ладонями перепачканное в крови лицо. К горлу подступал комок. Еще немного – и он разревется, как это делает только всякая мелюзга. Нет, нельзя реветь. Его тогда парни точно ни во что ставить не будут. Но комок в горле рос и рос. Еще чуть-чуть – и он зайдется в крике, в слезах, все-все, что наболело, выплечет. Но нельзя ни в коем случае, разреवेशься – так тебе еще в нос сунут.

И тут он опять увидел те глаза. Они глядели на него откуда-то сверху. На самом деле они были невидимыми. Но он их видел. Они слагались из тумана и синих просветов в сером небе. На этот раз глаза глядели на него почти с неба. Остановились над какими-то развалинами и глядели.

Что это за развалины? Невысокие стены, словно крепость какая-то, но для настоящей крепости низковаты. Стены обвалились, на них следы штукатурки, а так – торчат посеревшие кирпичи. За стенами несколько высоких зданий. С башнями. Штукатурка тоже отбита, черные дыры окон, крыши поросли высокой травой. Так что это? Алеша на секунду задумался. Неведомые глаза еще раз согрели его тихим взглядом и растворились в сером небе.

С чего все начиналось

– Стройся! – раздалась отрывистая команда. И все доставленные в грузовике мальчишки спешно выстроились в ряд.

Алеша стоял одним из последних. Он был небольшого роста, хотя по возрасту (ему минуло пятнадцать) далеко не самый младший. Вышел начальник, маленький и толстый майор, и долго что-то говорил вновь прибывшим. О правилах поведения, о распорядке дня, о необходимых работах. Но Алеша не мог его слушать. Стоя плечом к плечу с другими, такими же, как он, мальчишками, он глядел то на развалины, то на длинный забор с колючей проволокой, то на серые проплешины снега и ворон, которые вышагивали среди сухой травы. Они были похожи на начальников, когда те ходят, заложив руки за спину и важно кивая. Именно так говорил с ребятами тот майор. Вороны как будто специально его передразнивали. Алеша невольно улыбнулся.

– Эй ты, пацан, третий с конца, чего лыбишься? – вдруг оборвал свою речь начальник. – Три шага вперед. Повтори, что я только что сказал.

Алеша сделал пару шажков вперед и молчал, опустив голову.

– Я что, непонятно говорю? Три шага вперед! Ну-ка обратно в строй, и снова – три шага вперед. Все тебя ждут, а ты тут как чурбан.

Алеша попятился назад и снова вышел, на этот раз на три шага.

– Разве так шагают? Ты что, курица? – брезгливо поморщился майор. По строю пробежал смешок.

– Отставить! Вы что тут, в цирке? Чтоб я смеха не слышал. Вы сюда что, развлекаться прибыли? Равняйся! Напра-аво, шагом марш! – скомандовал майор, и ребята повернулись, кто направо, кто налево.

– Отставить! Ты, – указал майор на Алешу, – ты, ты, ты, – тыкал пальцем он еще в нескольких ребят, которые неправильно выполнили команду, – выйти из строя! Вы сегодня без ужина, до вечера мыть уборные, поняли? Товарищ сержант, отведите их куда надо, – обратился майор к молоденькому солдату.

Наказанные отправились вслед за сержантом. Свои мешки они оставили в общей комнате длинного барака. Им вручили ведра и тряпки. Колонка с ледяной водой была у дверей барака. Наполнив ведра, ребята потащились за сержантом. Он указал пальцем, куда кому идти. Алешу толкнули в длинный деревянный туалет, находившийся у самого входа в развалины. Красными, замерзшими руками Алеша стал водить по доскам. Ему было дурно от голода и плохого запаха. Он едва держался на ногах. И с ужасом косился на дырки в досках. Только бы туда не свалиться. И тут услышал, как звякнул крючок на двери. Он потряс дверь. Ее запер кто-то снаружи. Алеша застучал.

– Посиди, сопляк, ума наберись, – услышал Алеша голос того парня, который разбил ему нос. Это было уж слишком. Полдня пути в тряском грузовике, разбитый нос, колючая проволока и серый забор – все это встало перед его глазами.

А до этого – два года жил он в каком-то тумане. Он убежал от матери, когда познакомился с Петькой Орехом и Василием. Они уехали из Москвы в Ярославль. Добирались на электричках. Сначала до Александрова, а от Александрова до Ярославля. От контролеров убегали по вагонам. Потом жили в Ярославле, в подвале старого желтого дома на улице Некрасова. Там тепло от труб и даже уютно. Василий уже не первый раз останавливался в этом подвале. Он был среднего роста, коренастый, совсем взрослый. Ему было двадцать. А Ореху шестнадцать. Но у него уже усы росли. Ох, как он гордился этими усами!

Год Алеша прожил с ними. Весь Ярославль они облазили. Василий знал все ходы-переходы. В квартиры забирались, на склады, в магазины. Василий воровал, кое-что мальчишкам

давал, на прокорм. А так они ему неизвестно зачем нужны были. Один раз только сигнализация сработала. Тогда вот и поймали бедолаг. Алешу да Ореха. Василий-то успел спрятаться. Ловкий парень. А Алешу на учет поставили в милицию. Отослали в Москву, к матери.

Он помнил тот вечер. Мамины глаза. Они были полны удивления, радости, злости, любви... Она била его тогда чем попало. Кричала, плакала. А он спасся только тем, что заперся в ванной и лил воду, чтобы она не слышала его плача. И все-таки он решил жить с ней. Мама была больна, душа у нее была раненая, больная душа. Бывает, тело болит, рука, нога, сердце. А бывает, болит невидимая душа. И тогда не знаешь, куда деться. И мама Алеши не знала. Все шагала из угла в угол или ожесточенно печатала на машинке, худая, рано поседевшая. Она была переводчицей с итальянского. Ее комнатуха в пятиэтажке больше походила на какую-то берлогу. На полу слой пыли, стопки черновиков, старые тряпки. Книги никогда не стояли на полупустых полках, а лежали высокими башнями на подоконнике, столе, даже на кровати. Но Алеша любил эту комнату. Ему нравился лихорадочный стук машинки. Так же, как нравился запах в мастерской отца. Отец редко приглашал его к себе. Мастерская располагалась на чердаке со скошенными стенами, она тоже была вся завалена, но как-то по-другому. Она была красиво завалена. Там пахло маслом и скипидаром. Еще немного пахло иностранным табаком с какими-то ароматическими добавками. Этот запах был тоже красивым. Только сейчас уже мастерской не было. Отец неожиданно уехал в Америку. Вернее, его заставили уехать. Он был талантливый художник, но не хотел писать по заказу. В те времена так бывало: художников, писателей заставляли уезжать из России, вернее, из СССР, так ведь называлась тогда страна, где жил Алеша. Он тогда не смог проститься с отцом, потому что жил в Ярославле. «Жил» – нет, это слово не подходит. Он не жил, он пребывал в каком-то полусне, гипнозе. Василий что-то втолковывал ему про жизнь лихих разбойников, про Стеньку Разина. Алеша мысленно переносился в прошлое, представлял челны, весла, паруса, веселые разбойничьи песни. А когда они лезли в чей-нибудь дом, он воображал себя Робин Гудом. Лишь однажды стало ему не по себе: в одном доме он увидел икону, с которой на него смотрели глаза, печальные, полные невыразимой любви.

«Постой, постой, – восторженно вскрикнул Алеша, – а не эти ли глаза я видел сейчас, здесь?» И сердце его стало биться так сильно, как тогда в том доме перед иконой. Ему было стыдно и страшно смотреть на икону, и в то же время какая-то сладость разливалась в душе, захотелось к ней прикоснуться, раствориться в ней, в этой иконе, в этих глазах.

Он перестал бить в холодную деревянную дверь, бросил тряпку, сел на перевернутое ведро и обхватил голову руками. Прошлое продолжало незаметно всплывать в памяти.

После того как Алеша вернулся из Ярославля, он не хотел жить прежней жизнью. Он ведь совсем другой, он, как отец, будет художником. Алеша нашел свои кисти, краски, стал рисовать, но картины выходили какие-то мрачные, темные. И все же он рисовал. Мама долго не могла с ним разговаривать. Но как-то вечером все-таки пришла, присела в углу на табуретку и стала смотреть, как Алеша возился с красками. Потом тихо спросила:

– Можно? – И, когда Алеша кивнул, стала раскладывать его новые работы на полу и глядела на них долго-долго. Потом встала порывисто, обняла Алешу, как прежде.

– Бедный мой, бедный, что же с тобой? – стала она гладить его длинные нечесанные волосы, а он, как волчонок, вывернулся и отскочил от нее.

Мама уговорила Алешу отправиться в школу. Его там приняли прохладно, но терпимо. Учителя глядели на него как-то странно и редко спрашивали, словно боялись, а ребята явно уважали. Это Алеше понравилось.

Кое-кому он стал рассказывать про свою разбойничью жизнь, про подвал в желтом доме на улице Некрасова в Ярославле, про Василия. Все это казалось уже давным-давно прошедшим, легендой, сказкой, которую можно было с приукрашиваниями и выдумками пересказывать всем напропалую.

Алеша втянулся в нормальную жизнь, стал, как прежде, разговаривать с мамой и снова пошел в художественную школу, где ему оставалось учиться год. Учитель по рисунку очень хвалил его, а преподавательница по живописи удивлялась, что он разучился писать ярко и сочно, как раньше.

– Это поразительно, – говорила она в учительской. – Что с Алешей Ждановым случилось? Он совершенно перестал чувствовать цвет. Вот что значит переходный возраст...

В «художке» никто не знал про его побег и подвиги, считали, что он серьезно болел, а потом был на санаторном лечении. А ведь он и в самом деле болел. Только вот на лечении не был. Да и нет от такой болезни лечения. Или все-таки есть?

Этот жуткий год стал уже совсем забываться, когда Алеша вдруг снова встретил его... да-да, его, Василия. Алеша возвращался из «художки» домой, свернул за угол высокого дореволюционного дома, и тут кто-то сгреб его в объятия.

– Алешка! Это ж я, Василий. Слышь, соскучился, небось, пойдем со мной, ты мне как раз нужен. Дельце есть.

– Нет, нет, – стал высвобождаться из его рук Алеша, – я не буду, не могу, я все, я с мамой, я буду художником.

– Ну, ты что замямлил, спятил, что ли? С мамой он! Поглядите на него. Ты ж бандит, разбойник, тыж настоящий вор, куда тебе художником! Ну-ка, пойдем со мной, маму забудь, у нее и без тебя хлопот хватает.

Алеша хотел вырваться, убежать, но Василий сбил его с ног одним ударом. Потом поднял и повел. А дальше? Дальше – пошло-поехало. Василий умел держать Алешу при себе. Алеша чувствовал, что никуда ему не деться от этой страшной власти. Несколько раз он хотел бежать от Василия, но тот, сам или с помощью друзей, находил Алешу и заставлял его участвовать в своих темных делах. Однажды, когда они вскрывали какой-то ларек, опять сработала сигнализация. Понаехала милиция. Василия и след простыл, а вот Алешу и еще двух пареньков схватили. Тут уж учетом не отделаешься. Был суд. Приговор. Три года в исправительной колонии для несовершеннолетних. И вот ирония судьбы: Алеша знал, что из Москвы его повезут куда-то под Ярославль, на родину его разбойничьей жизни. Там где-то недалеко от города есть колония. «Исправительная колония», – прозвучало в голове.

– Колония, – повторил Алеша.

Сколько раз он слышал эти слова от ребят, которых держал около себя Василий, от милиционеров, слышал и в суде. А все же не представлял себе, что это такое. А теперь – вот она, колония. Холодные, мокрые доски, красные от холода руки, снаружи крючок, а дальше – бесконечный забор и колючая проволока. И парни, такие чужие и страшные, готовые поднять на смех в любой момент. И майор, который не прочь поиздеваться. И нет ниоткуда помощи. Нет. Нет. И Алеша снова стал трясти дверь. Она неожиданно распахнулась, и он бы разбился о булыжники, лежавшие у самой двери, если бы...

Помощь

Чьи-то сильные руки подхватили Алешу крепко и в то же время бережно и поставили на ровную почву. Он явственно услышал чье-то дыхание: кто-то был рядом. Алеша хотел оглянуться, посмотреть на своего спасителя, но почему-то не в силах был даже повернуть голову. Шею словно сковало. Так бывает во сне. Хочется прыгнуть или побежать, а ноги становятся тяжелыми, как огромные тумбы, и их невозможно сдвинуть даже на сантиметр...

Алеша почувствовал, что неведомые руки отпустили его, и он смог наконец обернуться. Вокруг было пусто. Только легкий ветерок пробежал по пустырю перед входом в развалины, смахнув с кирпичных стен горстку колючих крупинок льда. Алеше показалось, что этот ветерок был гораздо теплее воздуха и пах так приятно... нет, не так, как ароматизированный табак отца, по-другому: слаще, красивей, чудесней...

Алеша замер. Он поднял глаза и заметил в белесом небе очертания женской фигуры со смуглым лицом и большими темными глазами. На руках у нее был Кто-то маленький. Сынок, наверное. Сумерки уже окутали землю. А в сумерках чего не увидишь?

– Эй, тихоня, ты как выбрался-то? Крючок, что ли, сломал? – услышал Алеша голос парня, разбившего ему нос.

– Да ты, Гребень, просто плохо запер. Давай его еще посадим, пусть посидит, молоко-сос, – проговорил другой голос.

– А может, и тебя заодно, – отозвался Гребень и принялся заталкивать Алешу и парня в дверь. У Алеши не было сил сопротивляться, а его товарищ по несчастью упирался вовсю.

– Эй, мелкота, что тут бузите? Не успели поступить, а уже свои порядки наводите? – прогрохотал вдруг чей-то голос. Перед мальчишками стояли три рослых парня, явно бывалых.

– А ну, бей новеньких! – крикнул один из них. Гребень кинулся бежать. А Алеше и другому мальчишке досталось бы крепко, если бы вовремя не появился сержант.

– По местам, парни. Ну что, справился с задачей? – кивнул он Алеше. – Теперь можешь идти. Товарищ майор разрешил вам поужинать, а потом спать.

Так что ужином Алешу все же покормили. В бараке было десять комнат. В каждой человек по восемь ребят. Зябко и страшно было Алеше под тонким колючим одеялом. Соседи долго шушукались, гоготали, потом утихли. У Алеши отлегло от сердца. Все спят. Можно побыть в тишине одному, еще подумать. Впрочем, думать не о чем. Вспоминать прошлую жизнь не хотелось, о маме думать было страшнее всего – что с ней? Все так же нервно шагает по комнате, заваленной книгами, или... Вот это «или» было самым страшным. Но еще невыносимее было думать о будущем. Будущего у Алеши не было. Какая-то черная яма или серая стена, по которой надо карабкаться, и в итоге обязательно упадешь. И нет никого, кто мог бы помочь.

– Нет никого, кто мог бы... – прошептал Алеша и вдруг ощутил на себе какой-то груз. Что-то сдавило его лицо, не давало дышать, стискивало, сминало. Он стал вертеться во все стороны, что бы хоть чуть-чуть вдохнуть. Ему удалось на секунду вырваться. Он вобрал в себя как можно больше воздуха и увидел вокруг себя лица парней. Они довольно усмехались, а потом снова накрыли его подушкой. В глазах потемнело. И не было никого, кто мог бы помочь.

– Шухер! – раздался голос одного из парней. Все разбежались. В комнату вошел сержант. Посветил фонариком. Мальчишки старательно сопели, закрыв глаза. Только Алеша сидел на постели и растерянно смотрел на свет фонарика.

– Ты что, в карцер захотел? Почему не спишь? – грозно пробасил сержант.

– Товарищ сержант, я не могу, заберите меня отсюда, – пролепетал Алеша совсем по-детски, словно ему было лет шесть.

Он хотел было рассказать, как его чуть не задушили, но потом опомнился. «Нельзя, – решил он, – если расскажу, тогда мне конец».

– Ничего, – вдруг смягчился сержант, – попервой так бывает, а потом проходит. Стерпится – слюбится. Спи, парень.

Сержант ушел. Алеша накрылся с головой колючим одеялом и затих. Сейчас они снова будут мучить его. Ему казалось, что он слышит их шаги, шушуканья, тихий смех. Сейчас, сейчас... Вот они уже совсем рядом, и кто-то касается его рукой...

Встреча

– Не бойся, Алеша, – услышал он тихий, но словно звенящий голос. – Открой глаза-то. Свои.

Алеша боязливо выглянул. Комната почему-то стала совсем другой, гораздо больше, просторней. Где-то вдали были все кровати, на них крепко спали ребята. А возле Алешиной постели образовалось пространство, наполненное неярким, голубоватым светом, таким теплым, ласковым. В этом облаке света стоял необычный человек, за ним смутно вырисовывалось еще несколько фигур. Человек был босой, длинноволосый, в какой-то грубой рубаше почти до пола. Но лицо его лучилось. Строгие морщинки над бровями были полны света, он чуть-чуть улыбался и кивал Алеше.

– Здравствуй, дружок, здравствуй, мы к тебе. Вставай, владыка Трифон милость оказать тебе хочет: свою обитель показать. Идем.

Алеша сел на кровати, потянулся к одежде, но человек сказал:

– Не надо, с нами тебе тепло будет. Вот возьми балахончик. – И Алеша накинуд на себя белое тонкое одеяние вроде ночной рубашки, только красивей.

Он почувствовал, как нежное тепло окружило его тело. Наверное, так было когда-то давно, в детстве, когда папа с мамой были вместе. Папа садился около Алешиной кровати, читал ему красивые стихи, и было так сладко и тепло уплывать в сон под певучую музыку стихотворений, под мягкий папин голос. «Помнишь?» – спрашивал Алеша сам себя, удивленно и обрадованно глядя на своих гостей.

Босой человек в длинной рубаше подал Алеше руку. Они пошли. Запертые двери даже не шелохнулись. Перед Алешей распахнулось огромное небо, усыпанное звездами. Впереди торжественно белели развалины. В свете луны они казались совсем другими. Белыми, стройными, словно только что отстроенными. Алеша увидел над несколькими зданиями купола. Странно, он их не заметил, когда они приехали. На месте куполов были полуразрушенные крыши, из которых торчали сухие ветки проросшего кустарника и пучки жухлой травы. А теперь – серебристый лунный свет заливал золото куполов, и над куполами светились легкие кресты. Казалось, все эти строения устремились ввысь, к звездам.

Алеша так залюбовался увиденным, что забыл о своем провожатом. А тот тихо зашептал мальчику:

– Да, милый мой, Бог милостив. Ты в святое место попал, монастырь здесь. Хоть ты и видел его в развалинах, а на самом деле он вон какой. Был он таким и будет скоро. А пока... пока вы тут, горемычные, одни развалины видите.

Алеша пристально взглянул на собеседника. Он почувствовал к нему доверие.

«Такой все поймет, простит, поможет, – подумалось Алеше. – А кто он? Нет, это все сон».

Алеша затряс головой. И тут спутник приобнял его за плечи и заглянул в глаза. Прямо в самую глубь Алешиных глаз. Да-да, именно так когда-то обнимал его папа, если случалось Алеше провиниться. И он тут же во всем признавался, начинал плакать, просить у папы прощения...

Алеша повернулся к незнакомцу и уткнулся в его теплую грудь, в его грубую рубашу с широким воротом. Слезы хлынули из глаз. Все-все рассказал ему Алеша: и как с Василием встретился, и как в магазины лазили, и как маму бросил, обманывал потом и многое-многое другое.

На голову Алеши легла ласковая рука. Она была тяжелой, но мягкой.

– Бог милостив, Он простит, не бойся, Алеша, будешь другим, совсем другим.

«Он все время говорит “Бог”, – подумал Алеша, – а разве Бог есть? Нету Его». – И Алеша, стиснув зубы, резко отшатнулся от незнакомца.

Тот не отвел своих глаз от Алеши. Его старое худое лицо глядело с какой-то мукой.

– Бедный ты, бедный, – прошептал он. И Алеше снова захотелось прижаться к нему, но стало стыдно.

«И кто же он такой?» – пронеслось в его голове.

Не успел Алеша это подумать, как услышал:

– Зовут меня преподобный Иринарх. Я здешний, из-под Ростова. Только вообще-то жил я у вас на земле давно, а сейчас там обитаю. – И преподобный Иринарх поднял голову к звездам, к лунному свету.

Алеше показалось, что звезды слегка покачнулись, в небесах приоткрылся небольшой полог, и оттуда проглянуло что-то неописуемое. Алеша на секунду подумал, что вот такое светлое, неописуемое хотелось ему в лучшие минуты нарисовать красками. Но получалось все совсем не так. Серо и по-земному.

– Преподобный Иринарх... – повторил Алеша. – А что это – преподобный? – Слово звучало по-книжному, красиво, но как-то чуждо.

Преподобный Иринарх

Вместо ответа Алеша вдруг увидел перед собой дорогу через поле. На безоблачном небе сияло солнце. Поле покачивало золотом пшеницы. Где-то вдалеке петляла небольшая речка. По дороге шел человек. Одет он был бедно, за спиной – котомка. Что там, в котомке? Куль сухарей да рогожа, чтобы подстелить себе на случай, если не удастся найти ночлег. Человеку было лет тридцать, он весело глядел на солнце, на шустрых рыжеватых овсянок, которые сновали над ним. Иногда по лицу его пробегала грусть. Может быть, он вспоминал своего престарелого отца, как тихо умирал он под иконами, прожив долгую трудовую жизнь. Они с братом стояли в избе, возле широкой лавки, на которой лежал отец, и слушали, как слабым, но чистым голосом поет он «Отче наш». А ведь когда-то ставил он их, малолеток, перед иконами вот здесь, в этой избе, и учил молитве Небесному Отцу. Тогда родился в их сердечках образ доброго Хозяина земли и неба. Вспоминал путник, как при последнем дыхании позвал отец его, младшего, и сказал:

– Знаю, Илья, сердце твое к Богу желает. Но путь к Отцу нашему непрост. Много нагрешили мы, много потрудиться должны. Отец наш Сына Своего не пощадил, отдал за нас. Сын Божий ради нашего спасения принял Крестные муки. Нам бы теперь хоть малость-то Креста Его понести. Тебе, Илюша, сила в душе дана, чтобы многое вынести и до Божия Престола дойти, – молвил отец и вздрогнул вдруг так беспомощно, словно был не пахарем-богатырем, а жаворонком, что в тенетах запутался. Вздрогнул, вздохнул и стих навеки.

Вот и шел теперь Илья не тихого пристанища себе искать, а крестных трудов. За спиной – котомка, в руке суковатая палка, на сердце горячая молитва: «Господи, помоги мне пройти путем Твоим, хочу хоть малую долю Креста Твоего понести».

А над ним все тренькали овсянки, ветер пробегал по пшенице золотыми волнами, и неведомо откуда доносился слабый колокольный звон...

Алеша словно пробудился ото сна. Вокруг была все та же лунная ночь. Босой старец внимательно глядел на Алешу своими голубыми ласковыми глазами; они читали в глубине Алешиной души все-все. И злое, и доброе.

И снова перед ним приоткрылась завеса. Колокольный звон стал сильнее. И Алеша увидел заснеженный монастырский двор. Было сумеречное утро. Звонили, видимо, к службе. Один за другим шли на Литургию монахи в длинных теплых кожухах. То и дело порывистый ветер заставлял их запахивать ворота и придерживать шапки. Когда все вошли в храм и звон стих, с колокольни спустился звонарь. Странно было увидеть его босые ноги, какую-то длинную рубаху из мешковины. Пронзительный ветер рванул с новой силой, но звонарь только перекрестился и прошептал:

– Теплом Своим согрей меня, Христе мой.

– Отец Иринарх, – раздался густой голос пожилого монаха, – ну куда это годится, что ты из себя строишь? Надень, дурень, валенки теплые, тулуп. Зачем братию смущаешь, Бога гневаешь?

– Прости, отец Пахомий, – поклонился звонарь. – Отец мой, умирая, заповедал мне легкой жизни не искать, хоть малость Креста Господня на себя принять. Но я, слабый, какой крест могу понести? Не в мочь мне. Так хоть померзну слегка. Знаешь, батюшка, как в аду гореть-то я, грешный, буду, вот ведь о прохладе здешней рыдать стану.

– Нет, брат, это тебя в прелесть лукавый увлекает. Боюсь я за душу твою. Мы тут с отцом игуменом посоветовались, решили тебя малость смирению поучить. Есть у нас подвал ледяной, там посиди с недельку, может, образумишься.

Звонарь поклонился молча, а сердце вспыхнуло теплом:

– Неужели достоин я пострадать? Вот ведь и Господь в темнице сидел, и мне, значит, выпало.

«Хоть бы малость Креста Господня понести», – снова отозвались глубоко в душе слова отца.

Темный подвал. Здесь было как-то особенно холодно. На второй день Иринархом овладела дрожь. Она никак не унималась. Стучали зубы, дрожали колени, руки. Он не мог даже сотворить крестного знамения. Время от времени поднималась крышка, заглядывал тучный отец Пахомий:

– Ну что, брат, еще не образумился? Оденешься по-людски или нет?

– Прости, отец, не могу, – отзывался Иринарх.

Дрожащими коленями он становился на лед.

«Бичевали Господа моего за грехи мои», – шептали уста.

«Гвоздями пробивали руки Его и ноги за грехи мои», – плакало сердце.

«Поносили злыми словами и смеялись над Господом моим за окаянство мое», – стонала душа.

«Так что ж, разве не потерплю я морозца нашего русского ради Господа?»

И затихала дрожь, словно теплый ветерок касался лица, проникал во все тело, согревал, успокаивал.

...Алеша невольно поежился. Он вспомнил, что не одет. На нем только странная, удивительно белая длинная рубаха, спускавшаяся ниже колен. Но нет, ему не было холодно. Порывы ветра то и дело поднимали от земли мелкие колющие льдинки. Они забирались под рубаху, обжигая голые ноги, но ему все равно было тепло.

И опять Алеша видел отца Иринарха. Лицо его уже потемнело, лучики морщин окружили глаза. Он стоял на коленях в темной келье. Лишь от маленького окошка шел слабый свет. Алеша заметил, что дверь в келью крест-накрест заколочена. Отец Иринарх поднялся, шепча молитву, и снова опустился на деревянный пол:

– Господи, помилуй Россию, спаси ее от нечестивых ляхов и своих воров.

Он с трудом встал с колен и снова припал к полу. Слышно было, как глухо зазвенели железные кресты и чугунные цепи, которыми обвешено было все его тело под заплатанным балахоном.

Совсем седой и сильно пополневший отец Пахомий заглядывал в окошко.

– Безумный! Что ты напялил на себя железы-то! Думаешь, Богу твои глупости угодны? Самоубийца ты, тебя и с христианами не похоронят. Жизни нет от тебя, смотреть тошно. Бабы одни глупые к тебе зачем-то рвутся, за святого тебя, дурака, почитают. Эх, злобы на тебя не хватает.

– Прости, отец, – снова поднимался с колен затворник и с грохотом валился перед окошком на доски. – Господь-то за грехи мои на плечах Своих тяжкий Крест носил, а я что ж, малой этой тяжести не потерплю? – На глазах у отца Иринарха засеребрились слезы. – Спаситель-то наш копьем от воина в ребра прободен был, а я что ж, царапин нескольких не снесу? России-то нашей матушке страдание великое грехи наши несут, что ж я, за наш-то народ горемычный не поплачу пред Господом?

– Что ты несешь, безумный, над нами царь благочестивый – Борис из рода Годуновых правит, Россию весь свет боится, богата всем наша держава. Какое страдание ты ей накликать хочешь?

– Ох, отец Пахомий, батюшка мой, не пройдет и года, явится в Москве самозванный обманщик, смута будет великая. Увы мне, отец, вижу я: горит Первопрестольная, Кремль в огне, вижу ляхов в Успенском соборе. И в нашем-то Ростове тоже их стопы нечестивые будут.

Отец Иринарх отвернулся от окна. Его недружелюбный собеседник, ворча, направился к трапезной. Уже звонили к обеду. А затворник долго смотрел куда-то внутрь себя. Что он

видел? Самоуверенного Лжедмитрия? Толпы вооруженного народа, который грабит и палит собственную землю? А может, Троице-Сергиеву обитель, сердце Русской земли, окруженную врагом, и преподобного Сергия, который кропит монастырь святой водой, обходя вокруг по стене, благословляет и уходит обратно, в бескрайний простор звездного неба...

– Господи, собери русских людей воедино, дай им разум и веру, – шептал отец Иринарх, и падали на пол тяжелые цепи, вымаливая своим глухим звоном спасение России.

А потом Алеша снова увидел монастырь. Только что это? Кучку монахов окружили шумные люди в пестрых одеждах. Они размахивали саблями и что-то выкрикивали на чужом языке. Шипели, как змеи. Не иначе как поляки. Исполнилось предсказание отца Иринарха. Но вот угрожающе взлетел над одним из монахов длинный палаш. Тучный инок упал на колени:

– Пожалейте, паны, старость мою. Мы короля вашего за нашего почитаем. Ваши мы слуги. Не губите своих-то.

– Вот предатель, – содрогнулся Алеша, – не ужели отец Пахомий?

Несколько поляков подошли к заколоченной двери затворника. Два удара – и дверь распахнулась.

– Пойдите, паны, – пробасил самый сановитый из поляков, – я туда один зайду.

– Извольте, пан Сапега, – уступили остальные.

Гетман Сапега, разодетый как петух, с палашом, усыпанным драгоценными камнями, нагнулся, чтобы войти в узкую дверь. Но остановился на пороге, словно что-то испугало его. Темные стены, мрак, никакой мебели. Затворник поднялся с колен. Сделал шаг по направлению к гостю. За ним натянулась толстая цепь, прибитая кольцом к полу. Худое лицо смотрело на пана Сапегу внимательно, тихо. Пану стало не по себе: будто насквозь пронизывали его душу эти большие голубые глаза. В них не было ни капли злобы, это были глаза ребенка.

– Для чего, батшко, терпишь такую муку здесь, в темнице? – спросил после долгого молчания Сапега.

– Ради Бога, – эхом отозвался отец Иринарх, опустив голову.

А потом поднял свои лучистые глаза, полные жалости:

– Воротись, пан, в свою землю. Полно тебе разорять Россию. Не вернешься – убьют тебя здесь.

Выйдя от затворника, гетман Сапега долго молчал. Потом обвел глазами свое притихшее воинство:

– А ну, паны, пошли отсюда. В монастыре ничего не трогать. Поняли?

Поляки поклонились гетману, пряча в усах усмешку: «Что это, пан-то гетман старикашку безумного испугался?» Но вслух ничего не сказали.

А вскоре у кельи отца Иринарха стоял совсем другой вооруженный воин. С трепетом вступил он в темную келью, упал на колени перед затворником. Тот снял с себя один из железных крестов и вручил пришедшему.

– Прими это от меня, князь Димитрий. Крестом Христовым победишь врага. Ступай смело к Москве. Отсюда, от Ростовской земли, выйдет спасение матушке России.

Когда-то уходил от преподобного Сергия московский князь Димитрий Донской, неся в своем сердце благословение святого и надежду на победу над Мамаем. Теперь другой князь, Димитрий Пожарский, уезжал из Ростова, а в душе его звучали слова преподобного Иринарха: «Увидите славу Божию».

И слава Божия явилась. Войско князя Пожарского двинулось от Ярославля и освободило Москву.

А это что? Алеша вздрогнул от испуга. Он услышал крики, шум. Неужели опять поляки? Нет, это шумели монахи.

– Хватит ему здесь сидеть. Ишь ты, святой нашелся, железом обвесился. Народ к нему всякий шляется. Вместо Бога шуту гороховому кланяются, – возмущался престарелый монах с большим животом. – Пора его со двора долой. Ну, братья, помогите! – и он хватил плечом о дверь. Но она не поддавалась. Несколько монахов бросились ему на помощь, и дверь распахнулась.

Двое кинулись внутрь. Вырвали из пола цепь. Затворника выволокли на свет. Беспомощно шурясь, он стоял, сгорбленный под тяжестью цепей и крестов.

– Иди, иди отсюда, шут! – слышались голоса.

Преподобный сделал несколько шагов. Ноги, непривычные к ходьбе, его не слушались. Он остановился, без сил прислонился к дереву.

«Как же так – поляки не тронули, а свои выгнали?» – звучало где-то в глубине души. Но вспомнилась вдруг огромная толпа на площади древнего города, и Он перед толпой – избитый, измученный. А глаза Его печально глядят куда-то вдаль. И гудит над площадью: *Распи, распи Его!*¹ А ведь тоже свои были. Но *пришел к своим, и свои Его не приняли*².

...Спустя два года те же монахи с плачем и покаянием омывали безжизненное тело Преподобного. Они сняли с него тяжелые цепи и железные кресты и с ужасом увидели раны и язвы подвижника.

Ему так хотелось хоть малость пострадать за Господа Иисуса Христа. И там, в небесных чертогах, залитых несказанным светом, Господь вышел ему навстречу и ввел в благоуханный сад, где ждали его вечные друзья.

– Прииди, друг Мой, и наследуй то, что приготовил Я тебе от начала мира³, – услышал преподобный Иринарх сладчайший голос Иисуса.

¹ Лк. 23, 21.

² Ин. 1, 11.

³ См.: Мф. 25, 34.

«Зло позабудет бедное сердце»

Алеша вдруг услышал тихий, проникновенный звук.

– Где я? Что со мной? – словно очнулся он ото сна. Но вместо ответа до него снова донесся звон. Да, это были колокола. Тихий серебристый звон сливался с нежным лунным светом. Он шел от монастыря, плыл, качался в сумраке и звал к себе.

Под этот звон монастырь стал еще явственнее преображаться. Вместо низеньких остатков ворот и обломков стены Алеша увидел перед собой две круглые башни с голубыми крышами, между башнями – купол с крестом, а под куполом – красивую роспись, едва различимую в полумраке.

Но Алеша разглядел все же Того, Кто был изображен посередине. Он сидел на троне, и во всей Его фигуре угадывалась сила и власть, но не та грубая власть, как у майора или у парня, что расшиб нос Алеше. Это была добрая власть и тихая сила, как этот плывущий неведомо откуда звон и струящийся лунный свет.

«Это Бог, – подумал Алеша. – Да, это Господь Иисус Христос». И он вспомнил, как в детстве перед сном они рассматривали с папой альбомы древнерусского искусства и папа говорил ему: «Это Спас в Силах, это Спас Ярое Око». И Алеше бывало страшно и в то же время таинственно и сладко от этих малопонятных слов. Еще он помнил музеи, которые обычно начинались с залов, где были выставлены иконы. Ему иконы были не очень интересны, по этому он всегда пробегал мимо них. Но все же ощущал на себе чей-то живой взгляд всякий раз, когда оказывался там. Особенно в одном музее. Кажется, в Третьяковке. Там есть большой образ Иисуса Христа.

Папа говорил: «Рублевский Спас».

Алеша помнил, как однажды остановился перед ним и не мог сойти с места. «Папа, Он мне улыбнулся», – прошептал тогда семилетний Алеша. А папа обнял его за плечи, заглянул в глаза и сказал: «Это Бог». – «Но ведь Бога нет», – ответил Алеша. Папа отвел глаза, взял Алешу за руку и повел в другой зал, где начинались скучноватые картины XVIII века. В те времена нельзя было говорить о Боге. В детском саду и в школе детям втолковывали, что Его нет. Но если Его нет, то как Он мог улыбнуться?

– Нет, нет, – шептал Алеша, глядя на возникшие перед ним башни, – это все сон, только сон.

В этот момент украшенные кованым орнаментом ворота под росписями беззвучно отворились, и они вступили на монастырский двор, вымощенный камнем. Лунный свет играл на каждом камешке, переливался, зажигая его разными цветами: то голубоватым, то фиолетовым, то золотистым. Алеше казалось, что под его ногами были не камни, а расшитый древними мастерицами ковер. Белые строения монастыря взмывали вверх, к звездам. Алеше тоже захотелось вместе с ними унести в далекую, незнаемую красоту, что была за небесным пологом.

А потом они вошли в какое-то здание, поднялись по высокой лестнице, свернули под своды широкого прохода и вышли в большой зал. Там горели свечи. В узенькие окошки проникал лунный свет, стелясь по полу мягкой дорожкой. По стенам висели иконы. Возле некоторых стояли люди в черном. Алеша догадался, что это церковь.

«Странно, что здесь, в исправительной колонии, церковь и монашенки какие-то, что ли, – подумал Алеша, но потом перебил сам себя: – Да ведь это сон! Чего только не приснится с перепугу?»

И тут Алеша услышал пение. Светлое, ликующее, оно наполняло церковь, проникало в сердце. В его замерзшее, обиженное сердце.

Честнейшую Херувим
и славнейшую без сравнения Серафим,
без истления Бога Слова рождшую,
сущую Богородицу Тя величаем.

Непонятные древние слова вдруг показались Алеше такими знакомыми. Где-то он их слышал. Где? И пели их именно так, протяжно и нежно. И вдруг вспомнилась бабушка. Да-да, его бабушка. Она умерла, когда ему было пять лет. Она жила в Ярославле. Странно, он только сейчас вспомнил, что она жила в Ярославле. В том самом Ярославле, где началась его страшная взрослая жизнь. И сейчас Алеша тоже был рядом с Ярославлем, ведь исправительная колония находится в пятнадцати километрах от него. Это была даже не родная бабушка. Двою родная. Сестра маминой мамы. Тетя Маруся – так ее, кажется, звали. Во время войны она уехала в Ярославль да так и осталась там. Была одинока. Почему-то Алешу привозили к ней несколько раз. Он жил у нее в бревенчатом домишке, крашенном синей краской. Алеша даже припомнил название улицы. Оно было какое-то музыкальное. Может, улица Глинки? Или Чайковского?

Вечером в субботу они обычно садились на трамвай и довольно долго ехали. Потом шли пешком и оказывались в низенькой церковке. Алеше вспомнились какие-то немного выпуклые крашеные доски пола и запах, такой уютный, ласковый запах там, в той церковке. За окнами становилось сумеречно. В церкви тоже царил полумрак. В Алешиных глазах показывались огоньки свечей, платки старушек, и плыло под низкими сводами церковки точно такое же пение.

Честнейшую Херувим,
И славнейшую без сравнения Серафим...

Позвякивало кадило, и шел в золотом облачении священник. Он был похож на тех, кого преподобный Иринарх называл святителями.

Только сейчас все это всплыло у Алеши в памяти.

А потом они ночевали в комнатке при храме. Тетя Маруся долго что-то шептала перед иконой, и Алеша под этот шепот незаметно засыпал...

– А вот и Госпожа наша, поклонись Ей, Алеша, попроси милости себе, утешения. Попроси, чтоб помогла тебе исправиться, новой жизнью зажечь, – перебил преподобный Иринарх Алешины мысли.

Алеша сделал несколько шагов вперед, поднял голову и замер. Со стены на него глядели все те же глаза. Большие и печальные глаза на печальном, странно красивом лице. Да-да, это были те самые глаза, которые он видел в грузовике, а потом над развалинами, когда только прибыл в колонию. Теперь они глядели на него с иконы. Это была Мать, Она прижимала к Себе самое дорогое, что у Нее было, – Младенца. Она знала, что Младенца ждет страдание, и боялась спустить Его с рук, а Он утешал Ее: «Не плачь обо Мне, так надо...» И Она соглашалась, хотя от согласия этого было Ей очень-очень больно. А еще Алеша видел, что Она любила и жалела не только Сына, но и его, Алешу. Она тоже хотела бы прижать его к Себе и утешить. Она словно звала его к Себе.

«Будь Моим чадом, будь со Мной рядом, раем – не адом, радостным садом жизнь твоя будет. Зло позабудет бедное сердце», – будто слышалось ему.

Алеша опустил на колени и почувствовал, как рядом с ним опустил на колени преподобный Иринарх, как еле слышно опустились на колени монахини. Алеша глядел в эти прекрасные глаза и не мог оторваться: «Будь Моим чадом, будь со Мной рядом, раем – не адом, радостным садом жизнь твоя будет. Зло позабудет бедное...»

Петька Орех

– Вставай, размазня, ишь дрыхнет! – услышал Алеша прямо над ухом. Кто-то больно сдавил ему плечо, схватил за ухо. Алеша открыл глаза. Трое ребят стояли над его кроватью.

– Скажи спасибо, что вчера тебе по полной не вмазали, сержант помешал, – проговорил низенький коренастый парень по прозвищу Зуб. – Новеньких у нас всегда хорошенько обрабатывают. Особенно таких, как ты, малахольных. Ишь вылупился. Чего моргаешь?

– Жданов! – раздался голос сержанта, заглянувшего из коридора. – Почему до сих пор в постели? На линейку быстро! Опоздаешь – майор тебе хорошего не скажет.

Алеша стал лихорадочно одеваться, но никак не мог найти штанов. Он залез под кровать, посмотрел под одеялом, под подушкой – нигде нет. Он обвел глазами комнату и наткнулся на ухмыляющиеся физиономии.

– Значит, придется тебе так на линейку-то идти, – гаркнул Зуб.

Все заготали и высыпали из комнаты. На улице гудела сирена, созывавшая всех на линейку.

Алеша стал рыскать под всеми кроватями. Заглянул в шкафчики. Робко приоткрыв дверь, оглядел коридор. Но тут его заметил охранник:

– Ты почему не на линейке? Сейчас к майору тебя!

– Я... я... – залепетал Алеша, – я не знаю, где мо-мои брю-ки.

– А кто должен знать? Не миновать тебе карцера, парень. Плохо начинаешь. Ищи давай, даю тебе три минуты.

– Господи, – прошептал Алеша и вдруг вспомнил ночь, лунный свет, белые здания монастыря и глаза, добрые глаза Матери. – Что же это, Матушка? – сам не зная почему, прошептал Алеша.

– Да вот они, твои штаны, – услышал он голос охранника. – Видно, парни засунули их под раковину. Тебе бы ни в жизнь не найти. Я и то случайно обнаружил. Ну, парни, я им устрою. Новеньких жучат, особенно таких вот, – и охранник повторил неприятное и не очень понятное Алеше слово, – малахольных. Одевайся скорей, только уж не знаю, как тебе на линейку-то являться. Майор здорово всыплет. А мне отлучаться нельзя. Иди, иди.

Алеша пошел по коридору, медленно, с трудом переставляя ноги, как на казнь. Открыл белую, с облупившейся краской дверь, шагнул на улицу. Был серый денек. Все те же серые развалины уныло глянули на Алешу. Никакой ночной красоты не было и в помине. Все убого и страшно.

«Бывают же сны», – подумалось Алеше. Он споткнулся о булыжник и упал. Когда поднялся, перед ним стоял майор.

– В чем дело? Линейка окончена, а ты только идешь? Хорошо начинаешь!

– Я... я... – хотел что-то сказать Алеша, но, не в силах больше сдерживаться, сел на землю, обхватив голову руками, и заплакал.

Майор стоял над ним, а Алеша не мог успокоиться. Ребята гоготали где-то поодаль, наблюдая сцену. Тут подошел охранник.

– Товарищ майор, разрешите обратиться. – Майор недовольно повернулся к охраннику. Тот стал ему что-то быстро и сбивчиво говорить. По лицу майора пробежала змейка гнева.

– Комната номер девять, ко мне! – рявкнул он.

Зуб и несколько других ребят, окатив Алешу страшным взглядом, приблизились к майору.

– Сегодня на штрафные работы и без ужина. Все. И смотрите у меня, если еще что-то. – Майор взял Зуба за подбородок и резко дернул в сторону. Зуб с ненавистью взглянул на Алешу и прошипел:

– Предатель...

Алеше выдали лопату, большие матерчатые варежки, телогрейку. Он шел вместе со всеми по каменистой дороге, ощущая на себе суровые взгляды ребят. Его душой овладел серый страх. Ничего хорошего не ждет его дальше. Парни будут продолжать издеваться над ним, и чем дальше, тем хуже. Как ему пережить это? И кто спасет его? Кто поможет? Никто. Никому на свете он не нужен. Разве что маме. Но мама далеко, в Москве, стучит на пишущей машинке и шагает нервно из угла в угол, вскидывая иногда руки.

И тут неожиданно для себя Алеша вдруг вспомнил храм, монашенок и древнюю потемневшую икону. Вспомнил глаза, Ее глаза. И снова кто-то обнял его за плечи. Неужели преподобный Иринарх, этот странный босоногий старец в длинной рубахе? Неужели он снова здесь?

– Не бойсь, Леха, – услышал Алеша голос. – Вспомни наш подвал на улице Некрасова. А? Тепло там было. Вот дела-то ворошили. То-то!

Это был Петька Орех. Тот самый, который вместе с Василием привез его в Ярославль. Он здорово окреп, на вид ему было все двадцать пять, хоть был он всего на два года старше Алеши.

– Не бойсь, Леха, я тут второй год, у меня все схвачено. Никто тебя не тронет. Пусть Зуб только пикнет – мигом без зубов останется.

С тех пор парни перестали приставать к Алеше, хотя глядели на него враждебно. Дни шли за днями, работы сменялись линейками, линейки – ужинами и обедами. И все тонуло в серой дымке сырого тумана, на который щедро медленная северная весна.

Библиотека

Иногда всех водили на работы среди развалин монастыря. Надо было разбирать какие-то стены, складывать кирпичи на тачки и перевозить в другой угол. Работа была на редкость бессмысленная и оттого еще более тяжелая. Парни не любили, когда их посылали в монастырь, а Алеше нравилось. Все там напоминало ему сон в первую ночь в колонии. Он явственно помнил, какими должны быть эти развалины. Он любовался ими, мысленно достраивая. Иногда вечером перед сном даже пытался нарисовать их на бумаге карандашом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.